

пользуясь трубочкой?! Так пол-Одессы пришло бы посмотреть, зачем это надо. Но в Интерклуб всякого бы не пустили. Может, не совсем так, но почему-то все понимали, что на него можно лишь посмотреть, как на новые ворота. Нашему двору повезло! Коктейль мы не пробовали, но использованные трубочки имели.

Тетя Надя была очень яркой и жизнерадостной женщиной. Я знал лишь трех ее мужей. Двое последних по очереди сели за валюту.

Когда тетя Надя стала работать на Дерибасовской, мы уже сами стали отцами.

В те времена дома мало кто сидел, если дел не было. Ходили в парк, на бульвар или в соседние музеи. Но в основном все находились во дворе. Тетя Надя никогда не проходила мимо. Даже если шла с новым мужем. Со всеми шутила, а совсем маленьким делала "ути-ути!", щечка пальцами их животики и, смеясь вместе с ними, поблескивая золотыми коронками.

Знаю, многие ходили в это ее кафе лишь чтобы пообщаться и полюбоваться этой женщиной. Ее искреннее радушие к посетителям прерывалось лишь с нашим появлением с ее внуком.

Они оба начинали смеяться, лишь заведя друг друга, и она бежала к внуку, и звучало ее "ути-ути!".

И мы, те кто жил с ней в нашем дворе, идя на бульвар, говорили детям: "Идем гулять, идем к Бабе Ути".

Мы гордились своим знакомством с ней и не упускали возможности зайти к Бабе Ути. Представляете, как на нас смотрели ее посетители, когда она, бросив их, хватала на руки кого-то из наших детей и, смеясь, делала им "ути-ути!".

Наверное, это как поздороваться с Утесовым.

Может, это только для нас так было?!

Потом они уехали в Батуми.

Сто лет прошло. А вот вы назвали адрес "К Бабе Ути", и я их будто снова повидел, таких же молодых и красивых.

Травля

Они так и полегли от смеха, когда Женя Ганченко, маленького росточка, худенький и миниатюрный, как тростинка, явившись в кубрик из ноябрьской туманно-неуютной тьмы одесских улиц, вдруг сказал на полном серьезе:

— Иду я, парни, сейчас, гляжу, а навстречу мне из темноты три амбала — один как я, а два поменьше.

Шутка всем чрезвычайно понравилась. Он вообще был очень славный парень, этот Женя Ганченко. А еще в их среде был популярен его же прикол, когда шествуя ко улице, он вдруг отделялся от компании и, подойдя к какой-нибудь автомашине, сложив щепотью длинные тонкие пальцы музыканта, быстро касался колеса, делая губами: "Ап-пс-с-с!", громко и достоверно. И владелец легковушки, услышав, деловито выскакивал из машины и начинал озабоченно пинать покрышки под их радостное ржание.

А еще, чаще уже по заявкам, Женя исполнял арию юродивого из оперы "Борис Годунов". Нарочито долго выбирая позу и настраиваясь под оживленно-веселые физиономии его импровизированной аудитории, наконец замерев, предельно серьезный, он протягивал к зрителям худенькую, изящную ручку и гнусаво в нос пел: "Обидели юродивого! Спи... копеечку!". Причем слово "украли" он заменял на более приемлемое слово в их мужском окружении, где родимый вуз называли также и "бурса", несколько, пожалуй, преувеличенно. А речь была пересыпана всякой непотребной и нецензурной ерундой, не от примитива и бескультурья, а от молодой и бесшабашной бравады вчерашних школьников и завтрашних моряков.

В общем, склонность к юмору заложена у одесситов в генах, и у него, одессита, с этой склонностью все было в полном порядке. А, кроме того, он играл на трубе где-то вечерами и, говорили, что неплохо. Но судьба играет человеком, а человек играет на трубе. И судьба сыграла свою партию, и Ганченко отчислили. Программа, им даваемая, была сверхперегруженной, и такой сбой на дистанции был вполне реален. Уже потом, перед дипломом, кто-то из них вдруг предложил вспомнить всех тех, кто не дотянул на их потоке до финиша. И неожиданно получился длиннейший список фамилий, тоскливый и угнетающий, и наводящий на определенные мысли. Но это было потом. А пока шла травля с перескакива-

нием с темы на тему под хохот присутствующих, где удовольствие получали не только слушавшие, но и рассказчик. А началась она с того, что кто-то, придя из общаги Водного института, вспомнил об объявлении, виденном им в общаговском туалете: "Окурки в унитаз не бросать — плохо прикуриваются!".

— А я тоже бывал в общежитии Водного, — сказал другой. — У меня там одноклассник живет. Так у него в комнате одна личность любопытная обитает — вечный двоечник, как его еще не выгнали, и вечно без денег. И у всех, кто ни придет, просит: "Парни, ну купите хотя бы пирожок! Ну что вам стоит!". А стоит ему купить, съедает и тут же собирается, и идет по бабам.

Кто-то вспомнил, как какой-то на танцульках учудил, увидев на той стороне зала одну, далеко за тридцатник. Протянув руки к ней с трагическим воплем на весь зал: "Мамочка, родная! Как хорошо, что я тебя наконец нашел! Шоб я так жил!". И та под общий смех исчезла, покраснев. Он тоже порывался рассказать о киноафишке, виденной им на Слободке: "Художественный фильм "Судьба барабанщика", в которой какой-то остроумец густо зачеркнул часть букв, и получилось "Судьба банщика" к его вящему удовольствию. Но кто-то спросил:

— А чего это Восик уже с час не выходит из умывальника? — из умывальника в конце коридора, и правда, слышалось журчанье льющейся воды и приглушенная, неразборчивая ругань.

— А он так клево целовался с одной весь вечер вчера, а сегодня узнал, что с ней негры на днях такое делали! — хохотнул один из них. — Вот уже час зубы и чистит, — они засмеялись.

— Вот пострадал! — отсмеявшись, кто-то сказал сочувственно.

— Да. Любовь штука серьезная! А знаете, как Витек Коле Адаменко удружил? Ну, они же кореша. Приходит, значит, Витек под керосином вечером и говорит Адаменко: "Колюня, я тебе такую невесту снял, обалдеть! Красавица! Готовая! Завтра пойдем". Готовится, значит, Адаменко, а Витек ему: "Ну что, волнуешься? А знаешь, какое первое средство при волнении? Коньячка сто пятьдесят — и вперед!". "А может, не стоит?" — мнется жадный Адаменко. "Да ты что! Ты меня слушай! Думаешь, знакомиться с красавицами так тебе просто". Купил Адаменко коньяк, они осушили. А тут приходят две. "Ну, это моя, — говорит Витек, — А это твоя". А там такой крокодил, ужас! Адаменко чуть не плачет: "Ты же говорил, красавица!". Витьку неудобно. "Ну ладно, бывает. Не разглядел я ее, — говорит. — Не разглядел". Сели она и Адаменко в сквере на скамейку, Ада-

менко полез было к ней целоваться, а скамейка возьми и перевернись. Эта обиделась, треснула Адаменко и ушла. На том и любовь закончилась. Вот уже дней десять Адаменко с Витьком не разговаривает. Не может простить ему коньяк.

Один, отсмеявшись со всеми, сказал:

— Вам бы, балбесам, только о телках. А тут иду я и Жора по Дюковскому парку сегодня. У него и так трое детей и проблем не пересказать, а тут навстречу молодая мамаша с малышом. И вдруг малыш, увидев Жору: "Папа!", и ручонки к нему тянет. Вы бы видели того Жору! Ему аж плохо стало.

И травля продолжалась. А ему тогда так и не удалось вклиниться в разговор со своей "Судьбой банщика". И из умывальника по-прежнему доносилось журчанье льющейся воды и приглушенная, неразборчивая ругань несчастного Восика.

